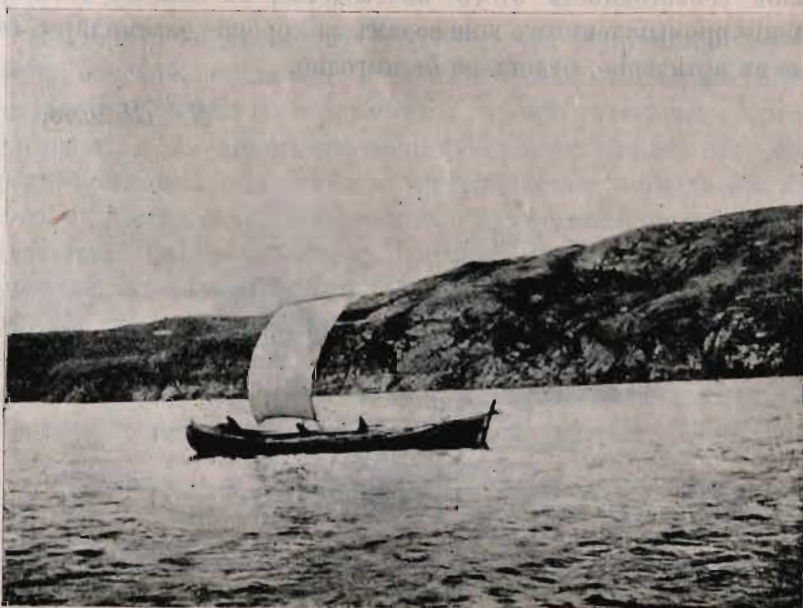

Поморское судно для дальняго транспорта соленой рыбы
(въ Балтійскіе порты).

Поморская шняка.

ИЗЪ ДНЕВНИКА УЧАСТНИКА ГАЛЛИПОЛЬСКОЙ ОПЕРАЦИИ.

(Окончаніе). *)

10-го мая.

Спалъ въ лагерѣ, въ своей норѣ. Снова орудійная стрѣльба, продолжавшаяся до восьми часовъ утра. Слышна и ружейная стрѣльба, людскіе крики. Больше всего дѣйствуютъ на нервы именно эти крики.

Спускаюсь на берегъ, иду на пунктъ, гдѣ встрѣчаю всѣхъ врачей и полковника Н., котораго я не видалъ нѣсколько дней. Полковникъ рассказываетъ о только что пережитомъ имъ въ сраженіяхъ, о томъ, какъ онъ многократно бывалъ на волосокъ отъ смерти. Всѣ столпились вокругъ него и внимательно слушаютъ.

Наконецъ то нашему полку дадутъ день или два отдыха. Люди совершенно обезсилѣли.

Говорятъ, что вчера, около семнадцати часовъ, подходилъ «Гебенъ» и стрѣлялъ по Сидиль-Багару.

11-го мая.

Говорятъ, что Инъ-Тепе разрушенъ нашей артилеріей.

Завтракъ, затѣмъ отдыхъ и наконецъ посѣщеніе новаго лагернаго мѣстоположенія, находящагося возлѣ кипарисоваго кладбища.

Въ пятнадцать часовъ снова градъ снарядовъ.

Насъ посѣщаетъ англійскій капитанъ Кенъ. Рассказываетъ, что англичане находятся въ тысячѣ восьмистахъ метрахъ отъ Критіи и что они взяли триста человекъ плѣнныхъ.

*) См. «Военный Сборникъ» № 3, 1916 г.

Ночью непрерывная перестрѣлка. Безконечныя атаки и контръ-атаки.

Безсонница. Ждемъ не дождемся разсвѣта, но съ зарей схватка усиливается. Ночью и издали это страшное и мрачное зрѣлище.

12-го мая.

Нашъ полкъ былъ въ эту ночь въ резервѣ. Наконецъ то удалось выспаться нашимъ храбрымъ солдатамъ. Утромъ неприятное пробужденіе подъ мелкимъ дождемъ.

Люди готовятъ кофе, приводятъ себя въ порядокъ. Муравейникъ начиналъ свою ежедневную возню. Вдругъ раздался лошадиный топотъ. Прискакавшій солдатъ передалъ бумагу нашему командиру. Затрубили сборъ. Всѣ офицеры столпились вокругъ корпусного командира. Надъ грязной траншеей гордо высится къ небу яркое знамя. Маленькій невзрачный солдатъ безъ нашивокъ держитъ древко. Этотъ человекъ выказалъ исключительный героизмъ при Кумъ-Кале, гдѣ онъ шелъ впереди всѣхъ подъ градомъ пуль. Генераль д'Амадь приходитъ пѣшкомъ. Дождь. Всѣхъ охватываетъ чувство невыразимой грусти, когда, подъ звуки трубъ, выстраиваются ряды. Это весь нашъ полкъ! Остальные погибли.

Генераль вручаетъ крестъ только нашему командиру Н. Но по моему всѣ были бы достойны получить его. Медаль получаютъ четыре унтеръ-офицера.

Тучи сгущаются. Дождь усиливается. На азіатскомъ берегу летаютъ бѣлые хлопья снѣга. Мы продрогли.

— Этой ночью полкъ будетъ находиться на аванъ-постахъ первой линіи, — объявляетъ генераль.

Я очень люблю Н. Онъ беззавѣтно храбръ и имѣетъ большое вліяніе на всѣхъ. Въ честь его устраиваемъ, несмотря на дождь, небольшой завтракъ, на которомъ присутствуетъ также англійскій штабной капитанъ. Подаемъ Горкскую ветчину, шампанское и т. д.

Къ пяти часамъ отправляюсь съ докторомъ Л. нанести визитъ полковнику Н. Онъ насъ встрѣчаетъ улыбающійся, молодцеватый, съ новенькимъ орденомъ на груди. Палатка полковника раскинута рядомъ съ разрушеннымъ домомъ. Передъ ней скамейка изъ песчаника, а на ней пять или шесть пустыхъ снарядовъ, наполненныхъ цвѣтами. Какіе то шутники прибили надпись: «Вилла Марія-Луиза». Беру аппаратъ и снимаю общій видъ.

Полковникъ Н. вторично раненъ въ лѣвую руку. Опъ усталъ, но голова его свѣжа и работаетъ по-прежнему быстро.

Къ ночи возвращаюсь въ лагерь и пытаюсь заснуть. Удастся съ трудомъ, но вскорѣ меня будитъ орудійная стрѣльба. Только

десять часовъ вечера. Это ужасно. Стрѣльба усиливается. Встаю, стараюсь понять въ чемъ дѣло. Стрѣльба непрерывная, ожесточенная. Спусти два часа все успокаивается.

Въ три часа утра повтореніе прежняго, но не въ такой сильной степени.

Засыпаю снова.

13-го мая.

Посылаю узнать о послѣднихъ новостяхъ. Говорятъ, что не произошло ничего особеннаго: напрасная трата снарядовъ съ обѣихъ сторонъ.

Говорятъ, что этой ночью турецкая мина пустила ко дну въ Мортской бухтѣ англійскій крейсеръ «Голіафъ». Все было кончено въ нѣсколько минутъ.

Б. рассказывалъ, что даже слышалъ крики тонувшихъ моряковъ.

Распрощался со своей норой. Моя палатка гордо возвышается на берегу, напротивъ Сидиль-Багара.

Изъ сегодняшняго бюллетеня, прочитаннаго при свѣчѣ, узнаю, что генераль д'Амадь боленъ и что его замѣняетъ генераль Гуро.

14-го мая.

Ночь вполне спокойная. Такой не было съ двадцать пятаго апрѣля. Утромъ приводятъ въ порядокъ и чистятъ перевязочный пунктъ. Но чтобы не дать намъ забыться въ этомъ идиллическомъ спокойствіи хоть на пару часовъ, на носилкахъ приносятъ окровавленный трупъ. Мозгъ вытекаетъ, голова въ лужѣ крови, въ лѣвомъ боку огромная рана.

Въ ту минуту, когда я это пишу, мимо пролетаютъ снаряды. Одинъ падаетъ въ двадцати пяти метрахъ отъ меня, среди лошадей, но не разрывается.

Уже одиннадцать часовъ утра. Въ два часа перерывъ. Видно «они» устали. Отдыхаемъ. Жара тропическая.

Нѣсколько снарядовъ долетаютъ до нашихъ крейсеровъ. Выстрѣлъ, свистъ, томительное ожиданіе, всплескъ воды. Нашъ «Римайлго» отвѣчаетъ. Снаряды съ обѣихъ сторонъ пролетаютъ надъ нашими головами въ то время, какъ мы купаемся въ морѣ.

Получилъ «Temps». Тамъ кратко упоминается о нашей высадкѣ въ Кумъ-Кале.

18-го мая.

Съ тринадцатаго мая веду регулярный образъ жизни: встаю, пью кофе, съѣдаю хлѣбецъ, гуляю, при чемъ время отъ времени поглядываю вверхъ, не летитъ ли неприятельскій аэропланъ.

Цвѣты здѣсь особенно красивы по утрамъ и много ихъ удивительно, всевозможныхъ окрасокъ и оттѣнковъ: голубые, желтые, фиолетовые, пунцовые, нѣжно-розовые.

Въ четыре часа дня спускаюсь къ морю. Вѣстовой несетъ за мной простыню, одѣяло, отобранное у какого то турка, замѣняющее мнѣ коверъ и его же котелокъ для ѣды, служащій мнѣ для обливанія. Купанье чудное.

Сегодня въ десяти метрахъ отъ насъ упалъ непріятельскій снарядъ. Немедленно, въ отвѣтъ на это, посыпался надъ нашими головами градъ англійскихъ снарядовъ, воющихъ и свистящихъ. Для довершенія картины въ голубомъ небѣ показались аэропланы союзниковъ, преслѣдуемые, къ счастью безуспѣшно, шрапнелью противника. Вечеромъ ложусь не раздѣваясь. Ночью приходится вставать нѣсколько разъ.

22-го мая.

Сегодня въ десять часовъ утра мы пошли въ атаку, поддерживаемые сильнымъ артилерійскимъ огнемъ. Говорятъ, что результатъ прекрасный для насъ, хотя мы и были засыпаны снарядами.

24-го мая.

Вчера англійскій капитанъ сообщилъ намъ, что англичане продвигаются впередъ успѣшно, хотя и медленно. Узнали, что Италия будетъ сражаться вмѣстѣ съ нами, возможно даже именно здѣсь. Дней на шесть или больше перемѣнимъ лагерь: будемъ въ траншеяхъ. До сихъ поръ я спалъ въ палаткѣ, полотнища которой прострѣлены уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ пулями.

26-го мая.

Ходилъ на перевязочный пунктъ. Только что пулей раздробило плечо солдату. На пунктѣ за сегодняшній день накопилось столько труповъ, что трудно дышать. Сейчасъ снова оглушительная перестрѣлка. Трескъ, производимый 75 мм. орудіями, страшно раздражаетъ. Съ этимъ трескомъ не можетъ сравниться трескъ никакихъ другихъ орудій. Когда выстрѣлы слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ нихъ такъ и чувствуется призывъ къ разрушенію и смерти, который леденитъ кровь.

Сегодня турки насъ атакуютъ. Пошелъ съ полковникомъ осмотрѣть мѣстоположеніе высоты «236». Мы осмотрѣли «Старый Монастырь», превращенный въ развалины. Раньше, повидимому, это было чудное зданіе, возвышавшееся надъ моремъ. Зашли въ маленькую комнатку, единственную уцѣлѣвшую отъ прежвѣго великолѣпія. Она очень интересна.

На берегу расположены рядомъ двѣ совершенно одинаковыя

могилы. Здѣсь похоронены двое англичанъ: командиръ полка и простой солдатъ. За этотъ клочекъ земли бился англійскій отрядъ, въ которомъ было 1.200 человекъ. Они удержались до конца, но ихъ осталось всего на всего четыресто человекъ. Это была поразительная оборона.

Природа здѣсь прекрасная. Дарданеллы, южнѣ Тенедось, дальше Самоотрасъ.

Тона такіе, которые могли описывать лишь греческіе поэты. Направо, на азіатскомъ берегу, античная Троя, а также Кумь-Кале, взятый нами и сохранившій на себѣ отпечатокъ пережитыхъ ужасовъ. Въ бинокль можно рассмотреть его улицы, дома, замокъ, мостъ и кладбище, на которомъ были турецкіе окопы. Теперь все это покинуто. Съ двадцать пятаго апрѣля ни одно живое существо не осмѣливается появиться въ этой полосѣ.

Безконечно грустенъ контрастъ этой мертвой пустоты и яркаго чуднаго дня.

Проходимъ мимо пустыхъ траншей. Снова здѣсь выросли веселые маки.

На высотѣ «236» имѣется телефонъ и обсервационный пунктъ. Насъ собралось здѣсь нѣсколько человекъ: два бригадныхъ командира, штабные офицеры, командиръ батареи полковникъ Н. и я. Подготавливается вечернее дѣло. Мѣстность отсюда видна, какъ на рельефной картѣ.

Вокругъ насъ свистятъ пули. Наши снаряды разрываются въ непріятельскомъ расположеніи. Слѣдимъ за ихъ разрушительной работой. Вотъ наши траншеи, немного дальше турецкія. Передъ ними проволочныя загражденія. А тамъ, палѣво... Какой ужасъ! Пятьдесятъ нашихъ солдатъ лежатъ плечомъ къ плечу, держа ружья на готовѣ... Они мертвы всѣ, задушены ядовитыми газами. На первый взглядъ кажется, что они живы и сейчасъ встанутъ. Но присмотрѣвшись видно, что это уже начавшіе разлагаться трупы.

Воздухъ невыносимый.

Да, здѣсь жизни не придіютъ никакого значенія. Мнѣ тоже ничуть не страшно. Единственно, чего бы я не хотѣлъ, это быть искалѣченнымъ и обезображеннымъ. Предпочелъ бы мгновенную смерть. Если меня ранятъ, я отправлюсь въ Бизерту-Тунисъ, въ Алжиръ или Тулонъ. Говорятъ, что въ Александрію не будетъ больше послано ни одного раненаго. Не понимаю, почему.

28-го мая.

Снаряды разрываются вблизи меня. Но я уже привыкъ. Не мудрено, вѣдь это повторяется ежедневно.

Говорятъ, что генераль Гамильтонъ собирается пригласить насъ (генераловъ и штабъ-офицеровъ) на сорокъ восемь часовъ въ Тенедосъ. Какъ бы это было хорошо! Не слышать свиста пуль и воя снарядовъ. Спать не подъ грохотъ орудій.

Лагерь напротивъ Мортской бухты.

1-го июня.

Здѣсь находятся сто тысячъ человѣкъ. Кромѣ того ожидается англійская дивизія, находящаяся въ Лемнось.

Наши дѣйствія сильно стѣсняются дерзостью нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ. На морѣ, благодаря этому, пусто. Для борьбы съ лодками въ Англии заказаны стальные съти и суда съ плоскимъ дномъ.

Вблизи стрѣльба 155 мм. орудій. Адъ ничто въ сравненіи съ ихъ грохотомъ. Тѣмъ не менѣе вчера проспалъ, не просыпаясь, съ девяти часовъ вечера до половины шестого утра.

6-го июня.

Нашъ полкъ снова на передовой линіи. Перевязочный пунктъ находится въ полуразрушенномъ домѣ. Я снова помѣщаюсь подъ землей, какъ недѣлю тому назадъ.

7-го июня.

Турки установили въ Кумъ-Кале мортиры, которыя видны отсюда. Всю ночь они стрѣляли изъ Эренкея по нашимъ траншеямъ, но безрезультатно.

10-го июня.

Всѣ союзныя суда покинули нашъ берегъ. Позавчера сварядъ, пущенный съ азіатскаго берега, зажегъ «Аннамъ». Въ ожиданіи специальныхъ судовъ, которыя должны прибыть изъ Англии, оставляемъ нашъ флотъ въ Мудроской бухтѣ. Турки осмѣлѣли и вслѣдъ за мортирами въ Кумъ-Кале установили тяжелую артилерію въ Эренкей. Берегъ Сидиль-Багара усиленно бомбардируется изъ Инъ-Тепе. Результаты для непріятели незначительныя. Но стрѣльба нервируетъ наши войска.

12-го июня.

Видѣлъ греческія раскопки. Копали траншеи и наткнулись на каменные саркофаги. По словамъ Менделя, ученаго археолога, имъ больше тысячи шестисотъ лѣтъ.

13-го июня.

Вернулись въ прежній лагерь. Продолжается позиціонная война. Скучно. На морѣ по прежнему пусто. А мы уже привыкли

было къ множеству окружающихъ насъ судовъ. Турки смѣлѣютъ съ каждымъ днемъ. Теперь у нихъ на азіатскомъ берегу нѣсколько батарей. Продолжаютъ бомбардировать берегъ Сидиль-Багара. Количество жертвъ увеличивается.

14-го июня.

Получили газеты. Наконецъ-то во Франціи знаютъ о томъ, что мы дѣлаемъ. Жалко только, что не указанъ хоть одинъ полкъ, не названъ ни одинъ изъ нашихъ героевъ.

Вотъ уже десять дней какъ не видали даже тѣни англійскаго солдата и не знаемъ гдѣ и что дѣлаютъ наши союзники.

19-го июня.

Турецкія орудія ни на минуту не прекращаютъ стрѣльбу. Теперь ихъ выстрѣлы попадаютъ гораздо болѣе точно чѣмъ раньше.

Сынъ генерала М. авіаторъ. Позавчера отецъ поручилъ ему произвести развѣдку. Около двухъ часовъ дня послышался шумъ мотора и мы съ генераломъ вышли посмотреть на полетъ молодого человѣка. Повидимому, все благопріятно. Внезапно вокругъ аппарата стала разрываться шрапнель. Генераль не спускалъ съ сына глазъ. Одинъ разъ онъ даже воскликнулъ: Подбили!

Къ счастью онъ ошибся.

Черезъ нѣсколько часовъ М. доставилъ отцу нужныя свѣдѣнія.

21-го июня.

Съ разсвѣта атакуемъ. Теперь только 11 часовъ утра, а потери уже огромны. Серьезно раненъ командиръ бригады. Полчаса тому назадъ пронесли на носилкахъ полковника Н. Меня предупредили и я бросился къ нему навстрѣчу. Четыре солдата несли неподвижную окровавленную фигуру. Голова повязана платкомъ, покрасившимъ отъ крови. Глаза мутныя, блѣдность мертвенная. Отрядилъ восемь человѣкъ, чтобы они могли мѣняться. Врачъ сосѣдняго поста взялся сопровождать печальную процессію. Я долго въ бинокль слѣдилъ за ними. Черезъ часъ полковникъ былъ уже на борту корабля-госпиталя. У него прострѣлена грудь во всю ширину ея справа налѣво. Рана черепа менѣе опасна.

Съ половины пятого утра непрерывная стрѣльба. Это длится уже два мѣсяца. Не понимаю, какъ мы все еще не сошли съ ума.

Говорятъ, что мы взяли три или четыре линіи траншей. Есть плѣнные.

23-го июня.

Новая удача. Взяли еще нѣсколько непріятельскихъ траншей. Продвинулись впередъ по всей линіи. Плѣнные говорятъ, что ихъ потери очень велики.

Въ полевомъ госпиталѣ № 1 (принадлежитъ къ числу монхъ) разорвался снарядъ. Положеніе спасли врачи, выказавшіе необыкновенное присутствіе духа.

28-го іюня.

Сегодня англичане добились крупнаго успѣха. Они заняли полосу въ тысячу пятьсотъ метровъ между моремъ и Критіей. Кромѣ того они забрали три пушки, нѣсколько пулеметовъ и много плѣнныхъ.

30-го іюня.

Сегодня утромъ произошла яростная атака нашихъ позицій турками.

Вчера къ девяти часамъ вечера небо со стороны турокъ было буквально чернильно-чернаго цвѣта. Вѣтеръ былъ страшный. На восточной сторонѣ Галиполійскаго полуострова, по направленію къ Габа-Тепе, сверкали непрерывныя молніи. Время отъ времени съ противоположной стороны небо озарялось пламенемъ. Видно дѣйствовали англійскій флотъ. Но въ виду его отдаленности выстрѣлы не были слышны. Интересно, чего онъ добился. Спусти нѣкоторое время бой завязался по всей линіи. Какъ всегда, это было ужасно. Въ свою очередь французы атаквали непріятеля и отобрали у него нѣсколько траншей.

4-го іюля.

Генералъ Гурко раненъ на улицѣ между моимъ госпиталемъ и госпиталемъ второй дивизіи. Взрывомъ генерала подбросило на два метра вверхъ. У него вывихнутъ локоть и сломана нога. Его подобрали безъ сознанія.

5-го іюля.

Сегодня съ трехъ часовъ утра турки атаквали англичанъ и англо-французскую полянку. Не былъ пощаженъ ни одинъ клочекъ земли. Къ счастью было больше шума чѣмъ вреда, причиненнаго ихъ стрѣльбой. Тѣмъ не менѣе говорятъ, что на берегу Сидиль-Багара погибло нѣсколько сотъ нашихъ лошадей. Еще никогда не было такой сильной бомбардировки.

Подводныя лодки продолжаютъ работать. Вчера днемъ одна изъ нихъ пробила «Карфагенъ».

7-го іюля.

Говорятъ, что черезъ нѣсколько дней произойдетъ что-то важное.

11-го іюля.

Сегодня утромъ пришелъ изъ Лемноса французскій крейсеръ «Шарлемань». Бомбардировалъ Енисгеръ, Кумъ-Кале и азіатскій берегъ. Турки не остались въ долгу.

Ждемъ значительныхъ подкрѣпленій изъ Англии.

12-го іюля.

Въ 4 часа 30 минутъ утра былъ разбуженъ орудійной стрѣльбой. Выхожу изъ палатки. У англичанъ завязывается дѣло. Ихъ поддерживаетъ флотъ.

Въ 5 часовъ началась стрѣльба 75-мм. орудій.

Неподалеку преспокойно купаются въ морѣ сотни англичанъ. Одинъ изъ нашихъ африканскихъ полковъ занимается маршировкой.

Въ 6 часовъ дивизионный командиръ, начальникъ его штаба и офицеры отправляются по своимъ постамъ.

Въ 6 часовъ 15 минутъ заговорила наша тяжелая артилерія.

Въ 6 часовъ 30 минутъ турки начинаютъ энергично отвѣчать. Берегъ у Сидиль-Багара засыпанъ снарядами.

А все же человекъ пятьдесятъ купальщиковъ продолжаютъ весело плескаться въ водѣ, не обращая никакого вниманія на то, что происходитъ вокругъ нихъ. По дорогѣ двигаются повозки, отправляющіяся за водой, хлѣбомъ, мясомъ. Можно подумать, что здѣсь ярмарка. Иллюзія полная. Повозки всѣхъ видовъ и фасоновъ. На многихъ изъ нихъ еще не стерлись названія булочныхъ или молочныхъ, откуда онѣ были забраны.

7 час. 10 мин.—Грохотъ. Сильнѣе, кажется, быть уже не можетъ. Дрожитъ земля.

7 час. 30 мин.—Последнее слово пока что за нами. Но азіаты начинаютъ, повидимому, злиться.

7 час. 40 мин.—По всей линіи начинается атака.

7 час. 50 мин.—На морѣ появляется рядъ дымковъ. Всѣ въ восторгѣ. Снова подходит флотъ.

8 час. 5 мин.—Свистъ, ревъ, жужжанье снарядовъ.

8 час. 10 мин.—Изъ пролива залпы по непріятельской позиціи. Снаряды долетаютъ сюда.

8 час. 15 мин.—Снарядъ упалъ въ расположеніи первой дивизіи. Много убитыхъ и раненыхъ.

8 час. 30 мин.—Привезли тѣло полковника Р., одного изъ самыхъ выдающихся офицеровъ экспедиціоннаго корпуса.

8 час. 45 мин.—Безконечная вереница раненыхъ.

8 час. 50 мин.—Слышу морскіе залпы. Оказывается, что это уже не первые, но я былъ такъ занятъ ранеными, что не слышалъ ихъ.

9 час. 20 мин.—Надъ нами англійскій аэропланъ, преслѣдуемый шрапнелью непріятеля.

Результаты боя еще неизвестны. Англичане должны были дать большое сраженіе. Намъ же было вмѣнено въ обязанность взять нѣсколько линій траншей. Перестрѣлка затихаетъ. Минутами даже совсѣмъ прекращается, чего не было съ четырехъ часовъ сегодняшняго утра.

9 час. 30 мин.—Англичане какъ будто удаляются.

10 час. 30 мин.—Пушки стихаютъ. Снова тяжелое молчаніе.

11 час. 55 мин.—Пушечная стрѣльба слабѣетъ, уменьшается. Турки тоже постепенно умолкаютъ.

12 час. 15 мин.—Отправляемся закусить. Стрѣльба возобновилась, но теперь она не сильнѣе чѣмъ бывала ежедневно до сихъ поръ. Намъ сообщили, что все обстоитъ благополучно, но никакихъ подробностей мы еще не знаемъ.

Мы отдыхаемъ, щебечутъ птицы, свѣтитъ солнце, а рядомъ солдаты сколачиваютъ гробы для товарищей.

3 час. 15 мин.—Снова стрѣльба.

4 час. 15 мин.—Узналъ, что ранены два врача.

4 час. 30 мин.—Пушки грохочутъ. Мы должны закрѣпиться на занятыхъ нами позиціяхъ.

4 час. 50 мин.—Привели плѣнныхъ турокъ. Они измучены до крайности, ничего не ѣли уже два дня.

5 час.—Безпрестанно проходятъ войска, идущія на подкрѣпленіе.

5 час. 10 мин.—Продолжается концертъ пушекъ.

7 час. 30 мин.—Снова атакуемъ.

8 час. 30 мин.—Только что протелефонировали, что мы заняли турецкія траншеи.

Въ 8 час. 40 мин. донесли, что возлѣ Керевецъ-Дере показался турецкій миноносецъ. Позже узнали, что это былъ нашъ.

Въ 9 час. 1 мин. турецкій прожекторъ освѣщаетъ все море.

9 часовъ.—Сегодняшній день подтвердилъ наше превосходство надъ турками. Сопrotивленіе ихъ слабѣетъ. Англійская армія рѣшительно продвигается впередъ.

Мысъ Эски-Гисарликъ. 16-го іюля.

Со вчерашняго дня появились англійскіе мониторы. Они стрѣляли ночью по Эренкею и въ сторону Саросса, черезъ полуостровъ и надъ нами. Какой содомъ! Бѣдный Эренкей! Какой это былъ прелестный городъ. До сихъ поръ его щадил.

Ничего не слышно. Пушки заглушаютъ человѣческіе голоса. Здѣсь все новшуетъ имъ и, когда онѣ заговорятъ, то весь этотъ

старый берегъ, выдавшій Трою и Елену, Агамемнона, Александра Великаго и Ксеркса, дрожить до основанія.

Тенедосъ. 19-го іюля.

Въ семь часовъ вечера мнѣ сообщили, что первый полкъ отправляется на отдыхъ и что я назначенъ туда же. Въ половинѣ девятаго сажусь на лодку и переѣзжаю на бортъ «Марин Антуанеты», которая сегодня отойдетъ на островъ Тенедосъ. Вечеръ дивный. Сверкаютъ звѣзды. Внезапно, около одиннадцати часовъ вечера, въ нѣсколькихъ метрахъ отъ насъ съ страшнымъ трескомъ разрываются четыре снаряда. Не успѣли мы оправиться отъ охватившаго насъ изумленія, какъ послышался второй взрывъ, затѣмъ третій, началась бомбардировка. Первый взрывъ оказался безрезультатнымъ. Второй произвелъ страшное опустошеніе среди людей, собиравшихся съѣсть на корабль. Пятьдесятъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Оторванные головы, вывалившіяся внутренности и т. д.

Мало-по-малу возстанавливается спокойствіе, но намъ казалось, что мы уже не выберемся отсюда. Разъ непріятель замѣтилъ васъ, онъ постарается потопить хотя одинъ изъ нашихъ трехъ кораблей, отправляющихся въ Тенедосъ. Первые два поменьше ушли безпрепятственно. Настала наша очередь. Съ какими предосторожностями мы отплыли! Молчаніе полное, огни всѣ потушены. У всѣхъ сильнѣйшее сердцебиеніе.

Намъ удалось счастливо избѣгнуть снарядовъ. Избѣжимъ ли мы также подводныхъ лодокъ?

Все обошлось благополучно и на разсвѣтѣ мы подошли къ Тенедосу.

Первая ночь, проведенная нами тамъ, показалась всѣмъ волшебной. Такъ мы не спали уже нѣсколько мѣсяцевъ. Какое счастье быть увѣреннымъ, что проснешься вдали отъ крови, шума, пытокъ и ужасовъ войны.

Мудросская бухта. 29-го іюля.

Сегодня утромъ вернулись изъ Тенедоса.

2-го августа.

Вотъ уже шесть дней какъ полное затишье. Не понимаемъ въ чемъ дѣло. Насъ предупреждали о готовящейся атакѣ ста тысячъ турокъ, а между тѣмъ никогда мы не пользовались большимъ спокойствіемъ. Что это значитъ? Недостатокъ ли снарядовъ у турокъ или они хотятъ усыпить нашу бдительность? Но мы не только не успокаиваемся, но, наоборотъ, сами готовимъ нѣчто новое.

9-го августа.

Англичанамъ удалось высадиться къ сѣверу отъ Габа-Тепе въ Сувлахъ.

Седьмого августа въ полевомъ госпиталѣ разорвался снарядъ. Два врача убиты, третій раненъ.

У насъ произошелъ слѣдующій случай: солдатъ Сенегалецъ несъ на головѣ мѣшокъ съ гранатами. Въ это время ему въ голову попадаетъ турецкая пуля. Страшный взрывъ. Бѣднякъ разорванъ пополамъ, рядомъ съ нимъ убитъ другой. Множество раненыхъ.

22-го августа.

Новаго ничего. Со скуки сами выдумываютъ новости. Такъ говорили, что у Кале произошла большая морская битва.

26-го августа.

Погода портится. Небо темнѣетъ. Становится холодно. Готовимъ зимнія квартиры.

13-го сентября.

Турки воспользовались затишьемъ, чтобы вырыть сапы. Немедленно принимаемъ мѣры и также работаемъ подъ землей. Скоро встрѣтимся тамъ съ непріателемъ.

Эски Гисарликъ. 21-го сентября.

Восемнадцатаго сентября и вчера надъ нами леталъ блиндированный нѣмецкій аэропланъ. Сбросилъ нѣсколько бомбъ, упавшихъ недалеко отъ насъ.

28-го сентября.

Вчера въ семь часовъ вечера шумъ, крики. Неужели штыковая атака? Или паника? Нѣтъ, не похоже ни на то, ни на другое. Въ чемъ же дѣло? Вдругъ со всѣхъ сторонъ стрѣльба. Мало-помалу все успокаивается.

Въ девять часовъ вечера узнаю, что все это произошло по приказанію сэра Гамильтона, пожелавшаго ознаменовать криками «ура» и залпами побѣды французовъ и англичанъ во Франціи.

1-го октября.

По всей вѣроятности сегодня ночью французская дивизія покинетъ Галипольскій полуостровъ. Куда она направится неизвѣстно. Предполагаемъ, что въ Салонки.

Переводъ *Б. М.*

ПРУССКІЕ ПРОТИВНИКИ НАПОЛЕОНА.

Блюхеръ—Шарнгорстъ—Гнейзенау.

(Продолженіе. *)

арнгорстъ, который не подалъ никакого полезнаго со-
вѣта по поводу диспозиціи, предоставивъ управленіе
боемъ Виттгенштейну и царю, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ,
обнажить шпагу. Онъ бросился въ толпу съ крикомъ:
«да здравствуетъ король! Въ началѣ боя подъ нимъ убило лошадь.
Около 7-ми часовъ вечера, немного позднѣе того, какъ Кайя, Рана
и Гроссбөршенъ были окончательно потеряны, въ заключительной
отчаянной атакѣ Шарнгорстъ получилъ пулевую рану немного
ниже колѣна и оставилъ поле боя, поддерживаемый своимъ сыномъ
Августомъ. Пуля была извлечена на другой день утромъ. Рана,
незначительная по внѣшнему виду, оказалась смертельной.

Вечеромъ, въ день боя, Шарнгорстъ писалъ своей дочери Юліи,
что это былъ печальный день, что Виттгенштейнъ не умѣетъ упра-
влять боемъ; о Блюхерѣ же онъ писалъ: «Мой старый Блюхеръ
полонъ мужества, но я долженъ помогать всюду, ибо онъ ничего
не понимаетъ въ управленіи арміей; но за то всегда увлекаетъ за
собою войска.

Шарнгорстъ 4-го мая былъ въ Дрезденѣ. Здѣсь онъ нашелъ

*) См. «Военный Сборникъ» № 3.